

Печатается по решению кафедры Отечественной истории и редакционно-издательского Совета Адыгейского государственного университета
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бузаров А. Ш., доктор исторических наук, профессор; **Шеуджен Э. А.**, доктор исторических наук, профессор (ответственный редактор); **Маркова С. П.**, кандидат исторических наук, профессор.

Сборник включает статьи по широкому кругу проблем отечественной и всеобщей истории. Их объединяет стремление авторов сосредоточить внимание на наиболее сложных вопросах истории, ввести в научный оборот новые группы источников, предложить оригинальную систему аргументов.

Сборник статей рассчитан на учителей истории, студентов и преподавателей исторических факультетов.

Управление науки и аспирантуры, редколлегия, авторский коллектив выражают большую благодарность главе администрации города Адыгейска Республики Адыгея за спонсорскую помощь в выпуске данного сборника.

Авторский коллектив: **Бузаров А. Ш., Шеуджен Э. А., Маркова С. П. и др. Вопросы теории и методологии истории.**

(Сборник научных трудов). Выпуск I. — Майкоп; Изд-во Адыгейского государственного университета, 1995. — 124 с.

**0503000000-05^В М 146 (03)-95^{без} объявления
15ВЫ-85108-002-7**

(Е) Адыгейский- государственный университет, 1995

I. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Шеуджен Э. А.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ

Современный этап развития исторических знаний характеризуется сложным процессом критического осмысления накопленного исследовательского опыта. Кризисное состояние проявилось и в культуроведческих исследованиях. Тому немало причин. В новейшей отечественной историографии культура все более утрачивала роль «ядра жизни»¹, становясь исследовательским «эшелон» второго или даже третьего ряда, нередко являясь лишь общим фоном при изучении социально-экономических и политических вопросов.

Истоки такого подхода уходят в социально-экономическую ориентацию марксистской методологии, относящей культуру к надстроечным явлениям общественной жизни. Традиционно к критериям, отличающим исторические типы культуры, исследователи марксистского направления относили общественно-исторические (формационные) и классовые². Национальный же характер культуры, проявляющийся в языке, своеобразии социально-культурных институтов, быту, художественном творчестве лишь учитывался в качестве специфической характеристики, дополняющей общие

закономерности.

В наши дни в пылу политической полемики немало исследователей вообще отрицают рациональное начало в научной конструкции марксизма, в том числе и теории культуры. Однако не все выглядит так прямолинейно, формирующаяся марксистская методология культуры не могла не испытывать влияния культу-ро-философских идей, господствовавших в конце XIX — начале XX вв. ^ В эти годы культура перестала быть исключительно европейской и становится мировой, универсальной. В культурно-исторический процесс в большей или меньшей степени вовлекались и составляющие российской культуры, ее национальные пласты. В то же время духовная жизнь России определялась ее особым положением между Западом и Востоком, что обуславливало своеобразный, симбиозный характер культуры, впитавшей западные и восточные культурные традиции.

Центральной становится идея общности культурных процессов находящая отражение и в работах большевистских деятелей. Еще до Октябрьской революции А. В. Луначарский, характеризуя культурные задачи рабочего класса, решительно выступал против попыток противопоставления культуры общечеловеческой культурам национальным³. Несомненный интерес представляет выдвинутое им положение о возможности богатой и свободной гармонизации «национальных мотивов в общечеловеческой -симфонии»⁴.

Вопросы национально-культурного строительства занимали важное место в теоретической и практической деятельности большевистской партии и Советского государства, входили в программные документы, директивные материалы, специальные резолюции по национальному и культурному строительству. Признание права народов на самоопределение, в том числе и культурное, выдвигало требования большевиков в ряд наиболее прогрессивных национальных программ своего времени.

Решение национального вопроса, «полная свобода и полное равноправие» рассматривалось В. И. Лениным как обязательное условие культурного развития народов, «залог истинной культуры»⁵. Обращаясь к идеи самоопределения А. Я. Луначарский так же подчеркивал право народов на культурное самоопределение», в котором национальности прежде всего находят «самих себя»⁶.

Теоретические подходы к осознанию историко-культурных процессов, происходивших в условиях многонациональной страны, складывались на пересечении двух формирующихся политик: национальной и культурной. Обращаясь к опыту развития национальных отношений в государствах Европы, Америки и Азии В. И. Ленин выдвинул задачу равноправного развития национальных языков и культур, как необходимого условия достижения фактического равноправия народов, и в конечном итоге, решения национального вопроса. Нельзя не учитывать и другую сторону — подчиненность национальной идеи политической борьбе, классовым интересам. Это и определяло суть большевистской концепции культуры.

В этом смысле особенно показательны критика В. И. Лениным лозунга «культурно-национальной автономии» (О. Бауэр, Р. Шпрингер, К. Каутский

и др.) в основе которого лежала идея национальной общности всех классов, проявляющаяся, в частности, в единой национальной культуре⁷. В ходе дискуссии ленинские аргументы спрессовались в тезис о двух культурах в каждой национальной культуре. В последние годы правомерность этого утверждения подвергается серьезному сомнению, вырабатывается более объективная оценка его сущности и значения.

Ленинское учение о двух культурах возникло в конкретных исторических условиях непримиримой борьбы за власть. В этой борьбе В. И. Ленин считал необходимым использовать все возможности для достижения поставленной политической цели, в том числе демократические и социалистические элементы культуры прошлого. Однако, после победы социалистической революции взгляды В. И. Ленина резко меняются, он подчеркивает необходимость взять «всю культуру», «обогащать» свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество⁸.

В рамках дискуссии предпринимается попытка уточнить понятие «вся культура». Утверждается, что в ленинских взглядах нет противоречия: он до и после Октября имел ввиду необходимость наследования «ценнейших завоеваний», всего «что было ценного», «лучшие образцы».

Трагизм положения заключался не в теоретической постановке вопроса, а в том, что в практике строительства социалистической культуры «лучшее» в культуре отфильтровывалось не временем, не историческим опытом народов, а решениями и постановлениями партийных и государственных органов. При этом не учитывалось, что истинное значение культурных ценностей, как правило, проявляется через десятки, а иногда и сотни лет. Человек улавливает лишь ничтожную часть того, что вновь и вновь рождает духовная жизнь, при том всегда только что-то предварительное, неокончательное⁹.

Есть и другая, не менее важная сторона вопроса. Положение о двух культурах в каждой национальной культуре привело к утверждению нового взгляда на историко-культурный процесс. Из него исключались все «не демократические» пласты культуры, т. е. искусственно сужалось представление о сущности культуры, культурном наследии, традициях. Культура исследовалась не как целостное явление, а как проявление отдельных сюжетов и фактов культурной жизни, нередко «Отобранных» по идейным или формальным соображениям.

Учитывая уровень общественного развития многих народов страны социалистические и демократические, в официальном понимании, элементы в их культуре отсутствовали, в результате культурное наследие, выразившееся в нетипичных формах: бытовых, фольклорных, религиозных, не принималось в расчет при определении культурной «развитости» или «отсталости» народов.

Возведенный в теоретический принцип приоритет классовых начал над национальным" пагубно сказался на развитии культуры различных народов, привел к трудновосполнимым потерям в духовной сфере человеческого бытия, искусственному расчленению единого древа культуры, концентрации

внимания исследователей не на общечеловеческом и национальном единстве культурных потоков, а на их классовых различиях.

В этом смысле был сделан шаг назад в осознании исторического места национальной культуры. В отечественной философской мысли начала XX в. понятие национальная культура включалось в общую мировую систему. Высшей и наиболее полной формой бытия индивидуальных существований в мире Н. Бердяев считал «совершенное единство», включая в это понятие не только общечеловеческое, космическое, божественное, но в первую очередь общенациональное единство. Развивая эту мысль он приходит к выводу, что установление всечеловеческого братства народов будет не исчезновением, а утверждением национальных индивидуальностей¹⁰.

Выступая с критикой националистических и космополитических теорий своего времени Н. Бердяев особое внимание уделял вопросу о взаимосвязи таких понятий как национальное и общечеловеческое. «Национальность, — писал он, с присущей ему образностью мышления, — есть индивидуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества, она заложена в самих глубинах жизни, и национальность есть ценность, творимая в истории...»¹¹.

Политические задачи, определявшие жизнь послереволюционной России, привели к выработке концепции национальной культуры, принципиально отличающейся от европейской культурфилософской, утверждающей самоценность культуры каждого народа независимо от социально-экономического и политического уровня его развития, образа жизни, нравов, обычаев, вероисповедания¹².

Формировалось и все более утверждалось представление о национальной культуре, как о культуре национальных районов России, т. е. русская культура как бы выносилась за рамки национальной, более того противопоставлялась ей, приобретая характер культурно-исторического эталона, используемого при сравнительном анализе уровня развития национальных культур.

Как правило, исследователи основное внимание уделяли изучению процессов, происходивших в русской культуре, а национальные районы «дополняли» историю культурного развития страны. В общие работы по истории и культуре, в учебную литературу вводились лишь отдельные сюжеты, а нередко, только имена на выдающихся «представителей» национальных культур, призванные проиллюстрировать достижения в их развитии. Подобный подход не только не вылировал историко-культурные процессы в национальных районах, но и «выводил» русскую культуру за рамки национальной.

Принципиальное значение имело деление в работах В. И. Ленина, официальных документах культуры по «уровням»: культура «больших» и культура «малых» народов, «мелкая» культура и «крупная». При этом главным, нередко единственным критерием, являлся уровень грамотности, просчитанный по материалам переписей населения (1897, 1920, 1926 гг. и др.). Не акцентируя внимание на том, что методика их проведения вызывает

серьезные сомнения в подлинности результатов¹³, более важно подчеркнуть, что в принципе такой подход не дает, и не может дать, представления о реальном состоянии духовной жизни народов, проявляющейся не только в уровне грамотности населения, но и в языковых, бытовых, фольклорных и других формах культуры.

С уровнем культуры большевики, да и другие политические силы России, связывали проблему особого пути общественного развития. «Разные нации, — писал В. И. Ленин, — идут одинаковой исторической дорогой, но в высшей степени разнообразными зигзагами и тропинками, ...более культурные нации идут заведомо иначе, чем менее культурные»¹⁴. На этой основе формировалась политика, направленная на достижение фактического равноправия наций, включавшая необходимость «выравнивания» и «подтягивания» культурного уровня народов, строительства революционным путем («культурная революция») особого типа культуры — социалистической, фактически вне национальной) «социалистической по содержанию и национальной по форме». На эту же идею «работал» утвердившийся в историографии вывод о расцвете и взаимообогащении национальных культур, формировании культуры единого советского народа.

В этом, как и во многом другом, проявилась противоречивость нашей истории: казалось бы бесспорные выводы, подчиненные политическим задачам, становились теоретическим обоснованием политики, направленной на насильственное и («революционное») изменение культурного духовного пространства отдельных социальных групп и целых народов. Более того, эти идеи рассматривались как универсальные, имеющие чуть ли не «вселенское» значение. Обосновывая программу развития национальных культур А. В. Луначарский подчеркивал, что она призвана «в соответственном порядке организовать жизнь национальностей по всему свету»¹⁵.

В советской историографии процесс выравнивания культурного уровня народов России однозначно характеризовался как прогрессивный. При этом исследователи сосредотачивали внимание на многочисленных фактах, свидетельствующих об особом внимании государства к развитию национальной культуры: принятие специальных решений, выделение дополнительных ассигнований, направление по «разверстке» национальной молодежи в учебные заведения страны. При таком подходе на¹ мечались лишь общие контуры проблемы по своей сути более сложной.

До настоящего времени не определились позиции исследователей относительно того, что означало понятие «передовая культура». В работах историков культуры утвердилось мнение, что речь идет о культуре центральных, т. е. не национальных, районов страны. Однако этот подход представляется весьма условным. Известно, что уровень российской культуры, в том числе и грамотности, значительно отставал от средневропейского. В начале века Россия все еще оставалась «уединенной провинцией в жизни мировой и европейской, ее духовная жизнь была обособлена и замкнута»¹⁶. Не только перед народами национальных районов стояла задача выхода на мировой уровень культурного развития, но и перед

Россией в целом.

Анализируя сложившиеся подходы к осмыслению роли России в мировой истории Н. Бердяев с сожалением отмечал, что самым различным философским направлениям свойственно смешение понятий самобытность и отсталость¹⁷. Преодолеть это заблуждение не удалось и в советское время. Идентификация этих понятий проявлялась не только в новейшей отечественной историографии, но и в официальных документах. Теоретически провозглашалась необходимость учитывать национальные особенности культуры и языка, а на практике национальная самобытность нередко воспринималась как культурная отсталость. В наибольшей степени это отразилось на отношении к бытовой культуре, обычаям, традициям, народным промыслам, фольклорным формам художественной культуры.

По мере осознания исторического опыта национально-культурного строительства в нашей стране все более явственно становилась, что национальная самобытность ничего общего не имеет с отсталостью, более того, по мере духовного развития народов, приобщение их к достижениям мировой культуры все более проявляется самобытность национальных культур.

Революционные события 1917 г., рост национально-освободительного движения неизбежно привели к повышению национального самочувствия и самосознания, обострению чувства ценности собственной национальности, осознанию ее места и задач в истории. Однако искусственное ускорение этого процесса, применение революционных методов: просветительские кампании, культпоходы, культштурмы, мобилизации на культурный фронт и тому подобные нововведения повлекли серьезную деформацию в духовной жизни. Народы, в течение поколений живущие " в своем достаточно замкнутом мире, принуждались к освоению новых, чуждых культурных форм. Стремление придать культурно-просветительской деятельности национальный колорит («Дома горцев», «Дома горянок», «Красные юрты» и т. п.) не меняли сути происходивших процессов: они не вписывались в традиционные формы культуры, оставаясь лишь символами новой власти,

Процессы, порожденные культурной революцией, функционировали как бы самостоятельно над культурой, отторгаясь культурными системами народов, порождая неприятие, а нередко и ненависть ко всему чуждому и иноверному.

В связи с этим заслуживает внимания принадлежащая О. Шпенглеру идея исторических псевдоморфоз, так он называл случаи, когда чуждая культура так властно тяготеет над страной, что родная для этой страны культура не обретает свободного дыхания и не только не сохраняет собственные формы выражения, но даже не осознает по-настоящему себя¹⁸.

Культурное развитие народов Северного Кавказа дает широкие возможности для изучения этого явления. Здесь в четких территориальных и временных границах взаимодействовали культуры многочисленных и малочисленных народов, с различной религиозной и филологической ориентацией, традициями. Уже в 20-е годы в официальных документах

ставился вопрос о необходимости противостояния попыткам более развитых в культурном отношении горских народов Северного Кавказа подчинить себе менее развитые¹⁹.

В советское время усилилось влияние и русской культуры, что с одной стороны, приводило к обогащению национальных культур, а с другой — к внедрению, нередко волевым способом, элементов «чуждой» культуры (политической, бытовой, художественной и т. п.). Складывалась иерархия языковых отношений, фактически все государственные организации функционировали на базе русского языка. Бесспорно, монокультура, тем более в многонациональном регионе, не достижима, стремление к искусственному сохранению «чистой» национальной культуры неизбежно приводит к ее распаду, тем не менее интенсивное внедрение инородной культуры негативным образом сказывалось на историко-культурном процессе.

Именно здесь лежит малоисследованная сфера, где психология может быть поставлена в связь с историко-культурными процессами. Психологические черты общности народов в значительной степени обуславливали особенности их культуры. К сожалению, практика культурного строительства в малой степени была рассчитана на учет особенностей национальной психологии. Разрушение таких пластов культуры как религиозные воззрения, нормы адата и шариата, традиции арабской письменности повлекли за собой серьезные изменения в национальном менталитете.

Революционные процессы, происходившие в стране, ускорили рост национального самосознания, проявившийся в усиливающемся интересе к национальной истории и культуре. Однако, этот естественный процесс нередко отождествлялся с проявлением национализма. Давали о себе знать и последствия русификаторской политики царизма.

Страна невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей, Россия в то же время была самой не шовинистической страной в мире. На эту антиномию обращали внимание многие отечественные мыслители. Русскому сознанию было чуждо высокомерное отношение к национальным культурам, в особенности это относилось к интеллигенции, в подавляющем большинстве исповадевшей сверхнациональные идеалы. Отсюда проистекал постоянный, устойчивый интерес к истории, этнографии, культуре народов населяющих страну, признание самобытности их духовной жизни.¹ Эти вопросы были, в центре дискуссий, проходивших в стране в первое послереволюционное десятилетие. В них проявилось стремление, с одной стороны, игнорировать национальную культуру, язык, традиции, а, с другой — неправомерно преувеличивать национальную специфику²⁰.

В наши дни вопросы национально-культурного развития вновь приобретают особое значение, вокруг них происходит консолидация основных политических сил, на них базируются возрожденческие программы. Утверждение новых теоретических подходов требует

аналитического отношения к сложившимся ^в историографии исследовательским системам. Для науки новейшего времени характерна углубляющаяся специализация, признаваемая важным условием результативной исследовательской деятельности. В истории культуры эта традиция привела к сосредоточению усилий на изучении конкретных сфер культурной жизни (народное образование, формирование интеллигенции, культурно-просветительная работа и т. п.).

В результате историкам удалось обобщить значительный документальный материал, отражавший самые различные стороны культурной жизни. В то же время исследовательское поле, расчлененное на замкнутые участки, потеряло главное — возможность изучения культурной жизни народов как исторического феномена, находящегося в постоянном движении и обновлении.

Методологическая ущербность подобного подхода отмечалась на Всесоюзных научных конференциях по проблемам «Советская культура как предмет исторического исследования» (Москва, декабрь 1974 г.) и «Взаимодействие и взаимообогащение социалистических культур» (Москва, ноябрь 1978). Тем не менее преодолеть эту «научную традицию» не удалось до настоящего времени. Исследования становятся однотипными не только структурно, но и по характеру вводимых в научный оборот документальных материалов, исследовательским методам. Более того северокавказские исследования отразили тенденцию углубления наметившейся дифференциации: изучение историко-культурных процессов распадается не только по «отраслевому», но и национально-географическому принципу (культура народов Северного Кавказа, культурная жизнь осетин, чеченцев, адыгов и т. д.). Учитывая многонациональный состав фактически всех образований этого региона возникает потребность в осознании ведущих принципов, позволяющих объединить географической или административной общностью различные культурные процессы или на том же основании — разъединять.

Любая культура занимает исторически свое особое место в системе культур, соприкасаясь в пространстве и времени почти со всеми остальными культурами. Северный Кавказ в этом отношении представляет особый интерес для исследования процессов в духовной жизни народов, обусловленность их исторической, этнической, филологической, административно-территориальной общностью.

Важно учитывать и еще одно обстоятельство; историческая наука о культуре в лучшем случае дает общее представление о политических, социальных, художественных явлениях культуры, но объективно оценить их историческое место и значение достаточно сложно, так как реальные последствия могут проявляться через десятки, а иногда и сотни лет. Как справедливо подчеркивал М. Вебер, человек, исследующий культуру, улавливает лишь ничтожную часть того, что вновь и вновь дает духовная жизнь, притом всегда что-то предварительное, неоконченное²¹.

Историки культуры более других ощущают шаткость теоретической базы

исторических исследований, ее ограниченность. Однако преодоление догматических представлений и стереотипов длительный процесс, требующий освоения новых методологических принципов, достаточно объективного анализа исторического опыта, вдумчивого отношения к выводам западно-европейской и отечественной культурно-философской мысли, привлечения результатов смежных дисциплин (социологии, этнографии, литературоведения, искусствоведения). Предпринятые попытки сдвинуть громаду создавшихся годами представлений пока не дали существенных результатов, лишь все более заметны углубляющиеся трещины в казалась бы незыблемом монолите.

ПРИМЕЧАНИЕ:

¹ Бердяев Н. Психология русского народа // Судьба России. М., 1990, С. 9.

² Арнольдов А. И. Новый исторический тип культуры. // Взаимодействие и взаимообогащение социалистических культур. М., 1980.

³ Луначарский А. В. Культурные задачи рабочего класса: Культура, общечеловеческая и классовая. // Собр. соч. в 8-ми т. М., 1963—1967— т. 7 С. 183—198.

⁴ Там же. — С. 183.

⁵ Ленин В. И. Рабочий класс и национальный вопрос // Поли. собр. соч. — Т. 23. — С. 150.

⁶ Луначарский А. В. Указ. соч. — С. 488.

⁷ Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу // Поли. собр. соч. Т. 23. — С. 314—322; — Т. 24. — С. 115—150. (Критические заметки по национальному вопросу).

⁸ Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // Поли. собр. соч. — Т. 41. — С. 298—318.

⁹ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. — С. 135.

¹⁰ Бердяев Н. Проблема национальности // Судьба России. М., 1990. — С. 92.

¹¹ Там же. — С. 91.

¹² Шпенглер О. Закат Европы. // Самосознание европейской культуры. — М., 1991. — С. 23—28.

¹³ Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России в СССР: Историко-статистические очерки. М., 1964. — С. 15—16.

¹⁴ Ленин В. И. VIII съезд РКП(б) // Поли. собр. соч. — Т. 38. — С. 184.

¹⁵ Луначарский А. В. Указ. соч. — С. 488.

¹⁶ Бердяев Н. Психология русского народа // Судьба России. — С. 9.

" Бердяев Н. Азиатская и европейская душа // Судьба России. •- С. 61.

¹⁸ Шпенглер О. Указ. соч. — С. 26.

¹³ Первая Юго-Восточная краевая конференция РКП (б) // Стенографический отчет (25—28 марта 1923 г.). Ростов-на-Дону, 1923. — С. 142.

²⁰ См.: Криницкий А. К вопросу о национальной культуре. // Большевик. — 1927. — №9. — С. 51—63.

²¹ В е б е р М. Наука как призвание и профессия. // Самосознание европейской культуры. —С. 135.